

**Мировая социалистическая культура:
О советской политике трансформации «внешнего» во «внутреннее»**

Ключевые слова: поздний сталинизм, холодная война, институциональная история, культурная политика, социалистический реализм, культурный колониализм.

**World Socialist Culture:
On the Soviet policy of transforming the "external" into the "internal"**

Keywords: Late Stalinism, Cold War, Institutional History, Cultural Politics, Socialist Realism, Cultural Colonialism.

Четырехлетнее противостояние завершилась победой над гитлеровской Германией. Однако милитаризм не перестал быть частью идентичности советского человека. Уже в начале 1944 г. некогда оборонительная война стала войной «освободительной». «Избавление» Восточной Европы от «призрака фашизма» для СССР означало возможность осуществить как территориальное приращение, так и укрепление собственного символического статуса.

После «безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил» началось формирование сферы влияния СССР в европейских государствах, позднее названных «странами народной демократии». Такая фокусировка на внешнеполитических проблемах и их постепенное включение во внутригосударственную политику влияли на характер общественной и культурной жизни, создавая ощущение перемены в идеологическом курсе. Советский Союз разомкнул свои границы и стал до некоторой степени «открытой» политической системой, заинтересованной в межгосударственном дипломатическом взаимодействии. Ожидавшаяся в тот период либерализация «извне» была бы закономерным следствием такого положения СССР: многие предполагали, что крушение военной диктатуры Великогерманского рейха подкрепит привнесенный импульс к преодолению тоталитаризма¹. Отчасти так и произошло. Если социальная политика во многом ориентировалась на скорейшее восстановление и переход к «мирному строительству», то культурная жизнь первого послевоенного года действительно ненадолго ощутила на себе благоприятное влияние деинструментализации искусства. Впервые за долгое время авторитет СССР не нуждался в дополнительном подкреплении, так как статус «страны-победителя» легитимировал всякую политическую инициативу, исходившую от советского руководства. Сталин понимал, что попытки наладить «экспорт» советского политико-идеологического режима и соцреалистической культуры² в освобожденные страны в первые послевоенные месяцы обречены на неудачу, поэтому, следуя логике партийцев, дипломатическая работа должна была предварить пропагандистский натиск. С мая 1945 г. СССР начинает активно участвовать в деле организации нового миропорядка, перенося различные вопросы геополитического толка в сугубо советское проблемное поле. Эта трансгрессия означала для *homosoveticus'a* принципиальную перенастройку «оптики»: задача поиска «внутренних врагов» как бы отошла на задний план, уступив место необходимости постоянного наблюдения за переменами во взаимодействии Советского Союза — «вдохновителя Европы» (И. Эренбург) — с другими государствами. При этом после победы в войне надобность в оправдании сталинского режима исчезла, а каждый советский человек, будучи принадлежностью этого режима, до некоторой степени становился арбитром, дающим оценку внешнеполитической обстановке. Тем самым две политические сферы — внутригосударственная и дипломатическая — объединялись, многократно расширяя зону компетенции и, как следствие, сферу влияния советской власти. Именно поэтому оккупационная практика не вызвала даже малейшего идейного противления в обществе, которое само лишь недавно одолело жаждавшего территориальных приращений противника. Всякий человек, подверженный влиянию государственной пропаганды (т. е. подавляющее большинство советских людей), оценивал эти вмешательства в жизнь других государств как правомерную и абсолютно заслуженную привилегию Страны Советов. В связи с актуализацией колонизаторских настроений по-новому встал вопрос о национальных литературах. Тенденция к присвоению стала одной из центральных и в связи с оформлением единого поля советской литературы.

Примечания

¹ Позднее Б. Пастернак напишет об этом времени: «...предвестие свободы носилось в воздухе все послевоенные годы, составляя их единственное историческое содержание» (цит. по: Пастернак Б. Л. Доктор Живаго. Милан: Г. Фелтринелли, 1958. С. 599).

² О насаждении соцреализма в национальных культурах стран «народной демократии» см.: Socialist Realism in Central and Eastern European Literatures under Stalin: Institutions, Dynamics, Discourses / Eds E. Dobrenko, N. Jonsson-Skradol. London; New York: Anthem Press, 2018.

Дмитрий Михайлович Цыганов, магистрант, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.
E-mail: tzyganoff.mitia@yandex.ru

Dmitry M. Tsyganov, graduate student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
E-mail: tzyganoff.mitia@yandex.ru